

В то мгновение, когда веки Янь Цуна сомкнулись в последний раз, в его памяти вдруг всплыли слова, сказанные перед смертью его настоящим отцом.

«Сын мой должен был стать баловнем судьбы, а превратился в безвольную игрушку в чужих руках. Это моя вина».

Каково ему было слышать это тогда? Кажется, он кипел от злости. В те дни Янь Цун ещё не знал о тайне своего рождения. Он искренне презирал этого свёкра, собиравшегося отписать всё состояние незаконнорождённому ублюдку, и, разумеется, не испытывал к умирающему ни капли жалости.

Когда же чудовищная правда наконец вскрылась, Янь Цун понял: ему следовало покончить с собой сразу. Не нужно было цепляться за жалкое существование, чтобы в итоге превратиться в посмешище. Хотя... вряд ли кто-то стал бы тратить на него даже смех. В конце концов, всю свою жизнь он провёл как тень, забившись в тёмный угол, куда никогда не проникал солнечный свет.

Но до чего же горько! С какой стати? Из-за чужого эгоизма его судьбу растоптали и перекроили до неузнаваемости. Родители, которых он преданно любил и почитал, оказались палачами, разрушившими его жизнь. Супруг, в чьи искренние чувства он свято верил, видел в нём лишь разменную монету для укрепления собственного положения. А ведь всё это — богатство, статус, признание — изначально должно было принадлежать ему одному...

Как же это несправедливо! До безумия, до хрипа обидно!

Но смерть оказалась сильнее. Сердце Янь Цуна сделало последний удар и замерло навсегда.

Глядя на бездыханное тело, распластанное на кровати, Янь Сян нахмурился, но в глубине души почувствовал облегчение.

— Теперь ты доволен?

— Я? — Тань Нань равнодушно повёл плечом. — С чего бы мне радоваться или злиться? Вопрос в том, доволен ли ты сам. Не я ведь спал и видел его в могиле. Так что не вешай на меня чужих собак, я за это отвечать не собираюсь.

— Я доказал свои намерения делом! — воскликнул Янь Сян. — Неужели ты до сих пор сомневаешься в моей искренности?

— Даже смешно, — фыркнул собеседник. — Ты хладнокровно прикончил человека, с которым вырос бок о бок. И после этого я должен тебе верить? По-твоему, у меня совсем мозгов нет? Впрочем, ты мне ещё понадобишься, так что живи пока.

Прежде чем Янь Сян успел заподозрить неладное, Тань Нань резко вскинул руку и хлопнул его по затылку. Выдвижная игла, скрытая в кольце на его пальце, мгновенно вонзилась в кожу, впрыскивая дозу сильнейшего анестетика.

Почувствовав укол, Янь Сян резко развернулся, вытаращив глаза от ужаса:

— Что ты... задумал?!

— Прибрать к рукам твоё состояние. Вернее, наследство твоего покойного супруга, — вкрадчиво пояснил Тань Нань. — Семейство Янь невероятно богато, я давно заглядывался на этот пирог. Не бойся, лишать тебя жизни прямо сейчас я не стану. Мне ещё нужно разыграть перед публикой душещипательный спектакль. Только представь: молодой господин Янь, нынешний глава корпорации, до такой степени убит горем из-за смерти возлюбленного, что теряет рассудок. Заботливая сиделка преданно ухаживает за ним три года и в итоге завоёвывает его сердце. Увы, здоровье господина Янь подкошено тоской, и спустя два года он мирно угасает. Как тебе такой финал? Сделаю из тебя трагического героя, познавшего великую любовь. Да и к тому же я милостиво дарю тебе целых пять лет жизни.

— Ты... чудовище! Не думай, что я позволю...

Договорить Янь Сян не успел. В глазах поплыло, сознание помутилось, а тело налилось свинцовой тяжестью. Спустя секунду он мешком рухнул на пол.

Тань Нань брезгливо окинул взглядом распростёртого на полу мужчину.

— Мусор.

Достав телефон, он набрал номер.

— Зайдите и приберитесь здесь. Цзянь Цун мёртв, Янь Сян без сознания. Что делать дальше, сам знаешь.

На том конце провода повисла тяжёлая пауза. Наконец раздался тихий вопрос:

— Цзянь Цун... сильно мучился?

— Откуда мне знать? Не я же его травил, — раздражённо отмахнулся Тань Нань. — Избавь меня от этой фальшивой драмы. Сгорал бы от любви к Цзянь Цуну — предупредил бы его, зная, что Янь Сян готовит убийство. Я ведь предлагал тебе забрать его и сбежать подальше. Но ты сам захотел остаться ради своей доли пирога. Мы оба по уши в грязи, так перед кем ты тут корчишь святошу? Передумал брать деньги? Или в тебе внезапно проснулась совесть и ты решил начать жизнь с чистого листа?

— Ты рассуждаешь с поразительным хладнокровием, будто стоишь в стороне. Но ведь за каждым шагом в этой игре стоишь именно ты.

— Попрошу без обвинений, — усмехнулся Тань Нань. — Будто ты не знаешь всей предыстории этой парочки. Семейка Цзянь замыслила подмену ещё тогда, когда их баба носила Янь Сяна под сердцем. Они не просто подменили младенцев. Они обманом вкололи Цзянь Цуну модифицирующий препарат, а потом подсунули его Янь Сяну. И всё ради того, чтобы в случае разоблачения истинный наследник не смог вернуть то, что принадлежит ему по праву. Я действительно посторонний во всей этой истории. Меня интересуют исключительно деньги. Будь эти люди нищими, я бы на них и глядеть не стал. И ты, мой дорогой друг, устроен точно так же. Так что не надо строить из себя праведника — мы одного поля ягоды.

Внезапно сознание вернулось. Янь Цун почувствовал, как ледяная вода заливает ему рот и нос, забивая лёгкие. Не успев ничего сообразить, он инстинктивно забился, пытаясь выплыть. Спустя мгновение чьи-то сильные руки подхватили его под мышки и вытолкнули наверх. Он жадно глотнул воздух. Из глубин памяти тут же всплыл старый кошмар: в тринадцать лет он едва не утонул, и с тех пор панически боялся глубины.

Что происходит? Неужели эти негодяи решили перестраховаться и сбросили его тело в реку, чтобы скрыть следы отравления? И теперь его кто-то спас?

Мысли затуманились, и он снова провалился в небытие. Когда Янь Цун открыл глаза в следующий раз, вокруг царил полумрак. С трудом приподнявшись на локтях, он огляделся. Сомнений не было: больничная палата. Четыре койки, три из которых пустовали, так что у него фактически были условия отдельного бокса. Точь-в-точь как тогда, в детстве.

На губах скользнула слабая горькая улыбка. Он машинально коснулся живота, но тут же поморщился от резкой, пронзительной боли. Опустив взгляд, Янь Цун оцепенел. Его руки, ноги... всё тело стало крошечным, детским.

Разум отказывался верить в происходящее.

В этот момент дверь палаты тихо скрипнула, и послышался женский голос:

— Эрбао! Ну зачем ты поднялся? Тебе же нельзя вставать, ну-ка быстро ложись обратно! Доктор, медсестра, скорее! Мой мальчик очнулся!

Этот голос был ему до боли знаком, и в то же время казался чужим. Прошло больше двадцати лет с тех пор, как он слышал его таким молодым и чистым. В его памяти запечатлелись совсем другие интонации — хриплые, визгливые и полные злобы. Тогда его уже никто не звал ласковым детским прозвищем. Всё это осталось в далёком прошлом, задолго до того, как его вынудили выйти замуж за этого мерзавца Янь Сяна.

«До замужества?..»

«Ледяная вода, пустая палата, детское тело, И Сыцзя, ласково зовущая его Эрбао... И эта невыносимая резь внизу живота...»

«Неужели я вернулся в прошлое?»

В палате вспыхнул яркий свет. Вошедший дежурный врач в сопровождении медсестры заставил Янь Цуна зажмуриться, но, когда глаза привыкли к освещению, он наконец смог разглядеть присутствующих.

Женщина, которую он всю жизнь считал любящей матерью, смотрела на него с неподдельной тревогой. Заметив его растерянный взгляд, она засуетилась:

— Эрбао, маленький мой, если что-то болит — сразу говори доктору! С этим шутить нельзя!

Какая забота! Любой посторонний, глядя на её испуганное лицо и слушая этот дрожащий от волнения голос, назвал бы её святой женщиной. Но кто бы мог подумать, какая бездонная чернота скрывалась под этой маской? Ещё будучи беременной, она положила глаз на благородное семейство своих хозяев. Пользуясь безграничным доверием и мягким характером хозяйки, И Сыцзя устроила всё так, чтобы разрешиться от бремени в той же больнице и в тот же день. А затем совершила подлое преступление — подменила младенцев, обрекая чужого ребёнка на нищету, лишь бы её собственная плоть и кровь с первого вздоха купалась в роскоши.

Если бы её вина ограничивалась лишь этим, он, возможно, не испытывал бы к ней такой лютой ненависти. Но методы этой твари переходили все границы человеческой морали. Боясь, что обман раскроется и её ненаглядный сыночек потеряет богатство, она втайне вколола тринадцатилетнему Янь Цуну модифицирующий препарат. А после, вступив в сговор с собственным отпрыском, годами вешала ему лапшу на уши, заставив в итоге выйти замуж за Янь Сяна. По сути, его продали в рабство в его собственный дом, лишив законного наследства.

Но и это было не самым страшным. Её родной сын оказался достойным преемником своей матери. Когда их биологический отец случайно узнал правду о подмене, Янь Сян разыграл целый спектакль: со слезами на глазах умолял отца ничего не менять, якобы заботясь о хрупкой психике Янь Цуна. А сам в это время хладнокровно готовил убийство. Он выдумал историю о несуществующем незаконнорождённом сопернике, планомерно отравляя разум Янь Цуна ложью, пока тот не возненавидел собственного отца. В результате Янь Цун своими руками помог погубить единственного человека, который действительно мог его спасти.

Как только отец скончался и всё семейное дело перешло к Янь Сяну, полезная дурилка в лице Янь Цуна стала не нужна. Его просто убрали со сцены, отравив ради очередного любовника.

«Я действительно вернулся... Пусть этот проклятый препарат уже у меня в крови, но худшее

ещё впереди. Значит, я могу всё исправить!»

«Если это не предсмертный бред, если небеса действительно дали мне второй шанс... Я отомщу. Но прежде всего — я проживу эту жизнь для себя! И заставлю всех этих кровососов из семейки Цзянь познать истинную нищету и сдохнуть в канаве!»

Закончив осмотр, врач заверил И Сыцзя, что жизни мальчика больше ничего не угрожает. Тем не менее для полной уверенности следовало остаться в больнице ещё на пару дней. Женщина горячо закивала, повторяя, что здоровье ребёнка важнее любых денег.

Проверяя капельницу, молодая медсестра ласково улыбнулась Янь Цуну:

— Погляди, как мамочка за тебя переживает. Впредь будь осторожнее, не ходи один к реке. Вода ошибок не прощает.

Янь Цун не умел плавать и никогда бы не полез в реку добровольно. На самом деле на берег его затащил «старший братец» — Цзянь Сэнь. Мать просто отправила Янь Цуна позвать его к обеду. Однако Цзянь Сэнь, решив, что мелкий портит ему авторитет перед приятелями, силой затащил его в воду. А когда Янь Цун начал тонуть, этот трус просто сбежал, бросив его погибать.

Да, именно так: испугался и удрал, даже не подумав спасти брата. Из воды его вытащил один из приятелей Цзянь Сэня, его одноклассник. Янь Цун смутно помнил, что парня звали как-то на «Бай», но полное имя стёрлось из памяти за давностью лет. Позже он краем уха слышал, как Цзянь Сэнь возмущался, что этот самый Бай прекратил с ним всякое общение после того случая. Цзянь Сэнь, этот тупоголовый баран, ещё и искренне считал того парня занудой, раздувшим проблему на ровном месте.

И ведь в прошлой жизни глупый Янь Цун действительно поверил, что брат оступился случайно. Тот получил нагоняй от родителей, выдал из себя дежурные извинения, и инцидент замяли. Но теперь, зная будущее, Янь Цун понимал: это было чистой воды покушение. Цзянь Сэнь уже тогда рос ленивым и жадным эгоистом. Наверняка он в глубине души надеялся избавиться от лишнего рта, чтобы всё родительское добро досталось ему одному.

Раз уж судьба дала ему второй шанс, он не пощадит никого из этой проклятой семейки. И пусть Цзянь Сэнь напрямую не участвовал в подмене младенцев, он получит своё сполна. Сейчас Янь Цун ещё слишком мал, чтобы сбежать от опекунов, но у него есть колоссальное преимущество — память о будущем. С этим знанием он сможет разыграть свои карты идеально.

Едва медсестра закончила говорить, как на глазах Янь Цуна заблестели крупные слёзы. Он шмыгнул носом и жалобно, по-детски протянул:

— Я не играл в воде... Я просто пришёл позвать старшего брата обедать. Это он полез в реку. Я помню, мамочка говорила, что купаться там опасно. Я всегда-всегда слушаюсь маму!

Врач и медсестра озадаченно переглянулись. Получалось, мальчик всего лишь звал брата домой. Тогда как он оказался на глубине? Очевидцы говорили, что ребёнка вытащили далеко от берега — обычной неосторожностью тут и не пахло.

Взгляды медработников синхронно скрестились на И Сыцзя.

И Сыцзя внутри так и закипела от злости, но внешне изобразила крайнюю степень изумления и гнева:

— Что?! Этот негодник тоже там был? Ну, погоди, я из него всю душу вытрясу!

«Будто ты пальцем тронешь своего ненаглядного первенца», — мысленно усмехнулся Янь Цун.

Однако вслух он тихо произнёс:

— Мамочка, не ругай его, пожалуйста. Брат ведь... он же меня спас, правда?

После этих слов лица доктора и медсестры помрачнели ещё сильнее. Получалось, старший брат стоял на берегу и хладнокровно смотрел, как тонет младший, даже не попытавшись прийти на помощь. Это уже не просто трусость, это пахивало жестокостью. Если задуматься, подростку в таком возрасте могут прийти в голову самые тёмные мысли. Видя, как мать трясётся над младшим сыном, старший мог запросто затаить обиду и решиться на непоправимое.

И эти подозрения закрались не только в головы медперсонала — сама И Сыцзя подумала о том же. Ей было глубоко плевать на чувства и страдания Янь Цуна, но потерять этот живой товар она не могла. Он являлся ключевой фигурой в её плане по обеспечению безбедной старости, живым залогом будущего союза с Янь Сяном. И если её старший идиот-сын посмеет поставить под угрозу их богатство, она лично спустит с него шкуру, несмотря на всю свою материнскую любовь!

<http://bllate.org/book/20137/2105705>